

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические записи.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические записи.
Не отправляйте в систему Google автоматические записи любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СССХХХХVII.

1903.

М А И.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.

1903.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. Именной Высочайшій указъ	3
II. Высочайшее повелѣніе	—
III. Высочайшіе приказы по вѣдомству мин. нар. пр.	4
IV. Правила и положенія, утвержденныя министерствомъ народнаго просвѣщенія	25
V. Отъ управленія пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ	40
VI. Опредѣленія ученаго комитета мин. нар. пр.	41
VII. Опредѣленія особаго отдѣла ученаго комитета мин. нар. пр.	47
VIII. Опредѣленія отдѣленія ученаго комитета мин. нар. пр. по техническому и профессиональному образованію	53
Открытіе и преобразование училищъ	55
Конкурсная программа на соисканіе золотой медали имени Андрея Степановича Воронова въ 1904 году	56
II. А. Водуинъ-де-Куртена. Лингвистическія замѣтки и аффризмы. V—IX (окончаніе)	1
II. Н. Оглоблинъ. Восточно-сибирскіе полярные мореходы XVII в.	38
Д. Н. Егоровъ. Этюды о Карлѣ Великомъ. IV—V	63
Н. М. Каринскій. Остромирово Евангеліе какъ памятникъ древнерусскаго языка	94
II. В. Голубовскій. Гдѣ находились оуществовавшіе въ домонгольскій періодъ города: Ворголь, Зартый, Оргуць, Оновокъ, Уненѣжъ, Хороборъ?	111
В. II. Ламанскій. Славянское житіе Св. Кирилла какъ религіозно-эпическое произведеніе и какъ историческій источникъ. VI—XIII	136

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

II. Н. Георгіевскій. К. Я. Загорскій. Теорія желѣзнодорожныхъ тарифовъ. С.-Пб. 1901	162
Э. Д. фонъ-Штернъ. Б. В. Фармаковский. Аттическая вазовая живопись. С.-Пб. 1902	184
II. О. Анненскій. Д. Н. Овсянко-Куликовский. Синтаксисъ русскаго языка. С.-Пб.	220
А. II. Соболевскій. Н. А. Заозерскій и А. С. Хагановъ. Номоканонъ Іоанна Постника. М. 1902	232
— Книжныя новости	234

См. 3-ю стр. обложки.

ВОСТОЧНО-СИБИРСКИЕ ПОЛЯРНЫЕ МОРЕХОДЫ XVII ВѢКА.

Наша историко-географическая литература, довольно богатая свѣдѣніями по исторіи русскихъ полярныхъ плаваній за XVIII вѣкъ, очень скудна данными о полярныхъ мореходахъ XVII вѣка. Изъ послѣднихъ нѣсколько посчастливилось Семену Дежневу, объ открытіи которымъ въ 1648 г. такъ называемаго „Берингова пролива“ собрано и разработано немало цѣнныхъ матеріаловъ. Но о другихъ болѣе скромныхъ мореходахъ, не совершившихъ столь грандіозныхъ плаваній, по тѣмъ не менѣе не мало содѣйствовавшихъ изученію русскими Ледовитаго океана по сибирскому побережью, литература не богата даже сырыми матеріалами.

Предлагаемая замѣтка, содержащая новыя архивныя данныя (изъ столбцовъ Сибирскаго приказа и Якутскаго областного правленія, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи) о неизвѣстныхъ и малоизвѣстныхъ восточно-сибирскихъ мореходахъ средины XVII вѣка (за 1630—1662 гг.), отчасти восполняютъ указанный пробѣлъ. Замѣтки говорятъ главнымъ образомъ о слѣдующихъ 9 мореходахъ—Михаилъ *Стадухинъ*, Иванъ *Ребровъ*, Васильъ *Бузы*, Елисей *Бузы*, Иванъ *Ерастовъ*, Прокофій *Брагинъ*, Иванъ *Бѣляинъ*, Васильъ *Власевъ* и Юрьъ *Селиверстовъ*. Изъ нихъ болѣе извѣстны Стадухинъ и Селиверстовъ, первый какъ соперникъ, а второй какъ сотрудникъ С. Дежнева по Анадырской службѣ. Извѣстны нѣсколько плаванія Е. Бузы, Реброва и Власьева, остальные же мореходы были доселѣ неизвѣстны. Кромѣ этихъ 9 лицъ, которымъ посвящены отдѣльныя замѣтки, въ текстѣ упоминаются многіе другіе мореходы.

Замѣтки сообщаютъ новыя данныя какъ о морскихъ плаваніяхъ указанныхъ лицъ главнымъ образомъ въ Ледовитомъ океанѣ (на востокъ отъ рѣки Лены) и отчасти въ Восточномъ океанѣ (въ Охотскомъ морѣ и др.), такъ и вообще всякаго рода свѣдѣнія къ біогра-

фін этихъ мореходовъ, въ томъ числѣ объ ихъ плаваніяхъ по рѣкамъ: Оленкѣ, Ленѣ, Янѣ, Алазѣ, Индигиркѣ, Колымѣ, Анадыру, Пенжинѣ, Гижигѣ, Охотѣ и др. Встрѣчаются также извѣстія о сухопутныхъ походахъ противъ якутовъ, юкагировъ, чукчей, коряковъ и другихъ.

Предварительно сообщая нѣсколько общихъ свѣдѣній для характеристики въ XVII вѣкѣ условій полярныхъ плаваній и походовъ въ арктическихъ странахъ, заимствуя ихъ изъ двухъ мірскихъ челобитныхъ всего состава ленскихъ служилыхъ людей, просившихъ въ 1646 г. о выдачѣ жалованья и проч.¹⁾

Въ первой челобитной (лл. 20—26), поданной извѣстнымъ казначеймъ пятидесятинкомъ Курбатовъ *Ивановымъ* отъ имени 400 человекъ, челобитчики жалуются на трудности „всякихъ службъ зимнихъ и лѣтнихъ, конныхъ и *струговыхъ*, нартныхъ и лыжныхъ“, когда—говорятъ они—мы „ѣдимъ траву, и сосну, и коренье, и всякую скверну пріймаемъ, и помираемъ голодною смертію...“ (л. 21).

Всякій „служебной заводъ“ обходится имъ страшно дорого: пудъ муки покупаютъ по 2—4 р. (л. 22), „лошаденки“, цѣна которымъ „на Руси“ 2—3 р., на Ленѣ стоятъ 20—30 р., лыжи по 2 р., нарты 1 р., „шубные кафтаны“ 3 р., „шубы одѣвальные“ 4 р. и т. д. (л. 23).

Въ виду такихъ издержекъ ради „государевой службы“ челобитчики просятъ—выдать „сполна“ недоданные „хлѣбные оклады“ за 1642—1646 гг., прибавить хлѣбнаго и денежнаго жалованья, не брать „десятой пошлыны“ съ ихъ сѣнныхъ покосовъ, рыбныхъ ловель и пр. (лл. 25—26). Челобитная, повидимому, не была уважена: приговора нѣтъ, а помѣта говорить—„чтена, въ столпъ“ (л. 20 об.).

Во второй челобитной (лл. 96—102) ленскіе служилые люди упоминаютъ о своихъ полярныхъ плаваніяхъ. Въ разныхъ „дальнихъ службахъ“—на рѣкѣ *Яни* (Янѣ) и др. (л. 96)—они „голодь великой терпятъ, ѣдятъ сосновую кору, и траву, и коренье, и всякую ѣдъ скверную, а тебѣ, государю, прибыль чинимъ, и зимовья на Янѣ рѣкѣ поставили...“ На Яну ходили они изъ Якутскаго острога конными, а съ Яны перебрались на рѣку *Собачью* (Индигирку,—ib.), откуда перешли „на новую рѣку на *Ковылу*“ (Колыму), идя „моремъ, на кочахъ“ (л. 97). Во время походовъ на рѣку Колыму, продолжавшихся по 5—6 лѣтъ, они поставили здѣсь „ясачное зимовье,

¹⁾ Сибир. приказа столбецъ № 274, лл. 20—26 и 96—102.

взяли у инородцевъ „лучшихъ людей“ въ аманаты и стали собирать ясакъ.

Посылають ихъ еще „на дальнюю службу, года на 3 и на 4, на *Оленскъ рѣку—моремъ*, въ судахъ“ (л. 98). Здѣсь они также зимовье поставили и ясакъ собрали.

На всѣхъ этихъ дальнихъ службахъ многіе служилые люди убиты, персранены, „перемерли голодною смертью“ и пр. Въ походахъ они „души свои сквернили—въ середу, и въ пятокъ, и въ посты мясо и молоко и всякую скверную ѣдь ѣли“...

Подъемъ въ эти походы, т.-е. расходы на коня, платье, обувь и на „всякой служебной заводъ“, обходится каждому въ 150 руб. и больше. Отъ трудностей походовъ кони погибають въ большомъ количествѣ, „а нныхъ коней сами мы съ голоду съѣдаемъ“... Любопытны слѣдующія цѣны на Ленѣ: „рубашки холщевые по рублю, штаны холщевые по алтыну съ гривною“, топоры по 1 р., ножи по полтинѣ и т. д.

При такой дороговизнѣ, въдобавокъ и жалованье они получаютъ не сполна, да и то хлѣбное выдаютъ „гнилой, мокрой мукой, грудной“... Вообще, челобитчики жалуются на всяческія притѣсненія Якутскаго воеводы П. П. Головина и просятъ—выдать недоданное денежное, хлѣбное и соляное жалованье, сдѣлать прибавки къ нему и проч.

Приговоръ („государевымъ... словомъ приказалъ бояринъ кн. А. П. Трубецкой“—начальникъ Сибирскаго приказа) предписываетъ произвести розыскъ о недоданномъ жалованьи и выдать его челобитчикамъ, если Головинъ „не додавалъ напрасно, а не за вины“ служилыхъ людей.

I.

Михаилъ Стадухинъ (1630—1659 гг.)¹⁾.

Довольно обстоятельныя свѣдѣнія о полярной дѣятельности М. Стадухина находимъ въ его челобитной²⁾, присланной якутскимъ

¹⁾ См. 1) *Ф. П. Врангеля* „Историч. обзоръ путешествій по Ледовит. океану“ (С.-Пб., 1841), 6—8, 13—15, 18; 2) *Доп. Ак. Ист.*, IV, № 47; 3) *Соловьева* „Исторія Россіи“, III, 584, 585; 4) мою работу „Семенъ Дежневъ. Новыя данныя и пересмотръ старыхъ“ (С.-Пб., 1890), 9, 13—15, 17, 21, 25, 34, 41—44, 52, 55, 56, 58; 5) мое „Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа“, III, 97.

²⁾ Сибирскаго приказа столбецъ № 1567, лл. 1—4.

воеводою Михаиломъ Лодыженскимъ въ Сибирскій приказъ, въ іюнь 1659 г.

Стадухинъ, состоявшій въ это время въ званіи казачьяго десятника, рассказываетъ въ челобитной о своихъ многолѣтнихъ походахъ, о рѣчныхъ и морскихъ плаваніяхъ, начиная съ 1630 г. Въ этомъ году онъ ходилъ изъ Енисейскаго острога, въ отрядѣ боярскаго сына Парфена *Ходырева*, на рѣку *Лену*, гдѣ пришлось воевать съ *журами*, съ которыхъ былъ взятъ ясакъ и они приведены „въ вѣчное холопство“ Москвѣ. Это было началомъ покоренія якутской земли, которая „теперь распространилась“ и даетъ „большой сборъ“ ясака.

Въ 1633 г. Стадухинъ участвовалъ въ походѣ Посника *Иванова*, въ составѣ 15 человекъ, „въ новое мѣсто на *Виллѣ*, для принеся неясачныхъ *тунгусовъ*“. У послѣднихъ русскіе „поимали“ знатнаго аманата изъ „Калтакульскаго роду“. Въ первый годъ собрали ясака съ этого рода 3 сорока соболей, а теперь, съ 1659 г., на Виллѣ въ Среднемъ зимовьѣ собирается больше 12 сороковъ соболей и больше 150 красныхъ лисицъ ежегодно.

Въ 1641 г. якутскій воевода П. П. Головинъ отправилъ Стадухина, во главѣ отряда въ 14 человекъ, „въ новое мѣсто на *Емоконѣ* (Оемоконѣ),“ гдѣ онъ собралъ съ „Мемельскихъ тунгусовъ и съ якутовъ“ 3 сорока соболей. На эту службу онъ „поднимался на своихъ на двѣ лошади“, и этотъ „подъемъ сталъ мнѣ рублевъ въ 60.“

Здѣсь ему „вѣдомо учинилось про новыя рѣки“—*Индигирку* и *Колыму*. Построивъ кочь, Стадухинъ „поплылъ внизъ по Индигиркѣ и *моремъ* дошелъ на Ковыму рѣку,“ гдѣ поставилъ ясачное зимовье, „съ нагороднею“, „поималъ въ аманаты *юкагирскихъ* лутчихъ 3 мужиковъ“, собравши подъ нихъ 2 сорока соболей. На бою съ юкагирами, при этой „имкѣ“ аманатовъ, Стадухинъ былъ раненъ стрѣлою въ грудь. За 2 года пребыванія на рѣкѣ Колымѣ онъ собралъ ясака 8 сороковъ соболей.

На этой „дальней службѣ“ Стадухинъ „ссужалъ“ промышленныхъ людей собственными запасами оружія, свинца и пороха, за что они дали ему 4 сорока соболей своего промыслу. Но когда Стадухинъ доставилъ въ Якутскъ ясачную казну (8 сороковъ), воевода В. Н. Пушкинъ отобралъ въ государеву казну и собственные его 4 сорока соболей, „невѣдомо за что“.

Въ 1647 г. тотъ же воевода Пушкинъ послалъ Стадухина, съ 9 казаками, „моремъ, для провѣдыванія новыхъ земель, за *Ковыму*

рѣку". Здѣсь Стадухинъ нашелъ залежи „кости рыбыя зубу“, небольшую часть которой (30 гривенокъ) послалъ въ Якутскъ „для опыту“, съ своимъ сотрудникомъ Юрьемъ *Селверстовымъ*.

Отсюда онъ ходилъ „на новую рѣку“ *Анадырь*, „и съ Анадыря зимою перешелъ, съ товарищи своими, на лыжахъ, съ нартами, за *Носъ*, на *Пенжину* рѣку“, о которой замѣчаетъ, что это „рѣка безлѣсная, а людей по ней живетъ много родъ (родовъ), словутъ *коряки*“.

Съ рѣки Пенжины Стадухинъ перешелъ на рѣку *Изигу* (Гижигу), на которой также живутъ „многіе коряцкіе люди“. По его словамъ— „вверхъ Изиги тужь рѣку зовутъ *Чондономъ*, а живутъ (тамъ) Ходынскіе мужики *юкашри*“. Съ своими „невеликими людьми“ онъ не могъ собрать здѣсь ясака, но увѣряетъ, что тутъ возможна въ будущемъ „прибыль немалая въ ясачномъ сборѣ“.

Съ рѣки Гижиги „моремъ пришелъ я въ суднѣ на *Вирамду* рѣку, и *Товусъ* зовутъ тужь рѣку“, и здѣсь взялъ у *тунусовъ* 3 аманатовъ и собралъ 40 соболей.

Въ виду „безлюдства“ на рѣкѣ Товуѣ, онъ переправился оттуда на рѣку *Охоту*, гдѣ въ Охотскомъ острожкѣ передалъ тѣхъ 3 аманатовъ прикащику якутскому боярскому сыну Ивану Хвостову съ товарищи.

За время всѣхъ этихъ походовъ и плаваній Стадухинъ не получалъ денежнаго и хлѣбнаго жалованья въ теченіи 12 лѣтъ, причемъ „всякую нужу и бѣдность терпѣлъ, и всякую скверность пріималъ, и душу свою сквернилъ...“

Онъ проситъ царя: „пожалуй меня за мое службишко, за кровь и за раны, и за многое терпѣнье, своимъ государевымъ прибавочнымъ денежнымъ и хлѣбнымъ жалованьемъ...“ Однако, никакого приговора на челобитной нѣтъ.

Спеціальный перечень мягкой рухляди, собранной Стадухинымъ на рѣкѣ Колымѣ, въ 1644 и 1645 гг., и на рѣкѣ Алазейкѣ, въ 1645 г., находимъ въ „росписи“ якутской соболиной казны, присланной въ Москву въ 1646 г.¹⁾ Здѣсь же находится перечень „десятиныхъ соболей“, собранныхъ сотрудникомъ Стадухина таможеннымъ цѣловальникомъ Петромъ Новоселовымъ на устьѣ рѣки Индигирки, въ 1645 г., и доставленныхъ первымъ въ Якутскъ²⁾.

¹⁾ Столбецъ № 308, л. 271.

²⁾ Ibid., л. 272.

...Нѣкоторыя подробности о морскихъ плаваніяхъ Стадухина въ 1649—1650 гг. и о находкѣ имъ на берегу Ледовитаго океана залежей „моржоваго зуба“ встрѣчаются въ отпискѣ якутскихъ воеводъ Дмитрія Франдбекова и Осипа Степанова, 1651 г.¹⁾ Они сообщали, что въ 1650 г. Стадухинъ прислалъ съ рѣки Колымы 2 кости, вѣсомъ въ 7 гривенокъ, а въ 1651 г. онъ же прислалъ, съ Юрьемъ Селиверстовымъ, „рыбьи кости 2 головы, 4 зуба“, въ 29 гривенокъ, да Юрій привезъ „своей кости“ 4 пуда, изъ нихъ „лутчую кость“ 3 пуда 28 гривенокъ воеводы взяли въ государеву казну, уплативъ Селиверстову ея стоимость. Вся эта кость, вмѣстѣ съ купленною въ Якутскѣ у другихъ промышленныхъ людей, отправлена въ Москву.

По поводу этой кости Стадухинъ писалъ якутскимъ воеводамъ, что „за *Ковымою* рѣкою на *морѣ* моржа и зубу моржевого добре много“ и, если-де туда отправятъ служилыхъ людей, снабдивъ ихъ достаточными хлѣбными запасами, то отъ сбора кости „будетъ многая прибыль“.

Въ своей отпискѣ Стадухинъ прибавилъ, что „про тотъ моржевой зубъ и про *морской ходъ* вѣдаетъ промышленной человекъ Юшко Селиверстовъ, и то-де *морское дѣло* ему Юшкѣ за обычей“.

Допрошенный воеводами Селиверстовъ показалъ: „какъ-де ходили съ Ковыми рѣки служилые люди Михайло Стадухинъ съ товарищи на новую на *Поичю* рѣку, и они-де ту кость собирали на берегу, и на берегу-же лежитъ многая *заморная* кость — мочно-де той кости нагрузить многіе суды. А они-де сами той кости не брали затѣмъ, чтобы имъ тутъ было не зазимоваться, потому что у нихъ хлѣба не было, а рыбы-де имъ ловить было зимою на *морѣ* нельзя: потому они кости и не брали“.

Сибирскій приказъ предписалъ воеводамъ: всякую кость, „большую и малую“, какую служилые люди „уцнуть на *морѣ* находить“, присылать въ Москву, равно какъ и кость, купленную у промышленныхъ людей.

О походахъ и плаваніяхъ Стадухина говорятъ еще двѣ челобитныя его сотрудниковъ.

Якутскій казакъ Второй *Гавриловъ* подалъ воеводамъ, въ 1650 году, челобитную²⁾ о выдачѣ заслуженнаго жалованья денежнаго и хлѣбнаго, которое онъ не получалъ во время походовъ, начиная съ 1641 г.

¹⁾ Столбецъ № 422 (не пагинированъ).

²⁾ Столбецъ № 310, л. 79.

Гавриловъ пишетъ, что въ этомъ году воевода П. П. Головинъ послалъ его, въ отрядѣ М. Стадухина, на рѣку *Оемоконъ*, для ясачнаго сбора. Съ этой рѣки они перешли на рѣку *Индигирку*, а оттуда на рѣку *Колыму*, приводя подъ государеву руку „непослушныхъ плсачныхъ иноземцевъ *юкатрей* и иныхъ родовъ“, которыхъ успѣшно обтасачивали.

Челобитная Якутскаго казака Сергѣя *Ортемьева*, 1649 года ¹⁾, говорить, что съ 1641 года по 1649 годъ онъ „служилъ на *Омоконѣ*, и на *Собачьей*, и на *Ковымъ* рѣкахъ, съ служилыми людьми съ Михайломъ Стадухинымъ, и послѣ того со Вторымъ Гавриловымъ, безпереводно, безъ государева денежнаго жалованья“. О выдачѣ его онъ билъ челомъ въ Якутскѣ, въ 1649 году; но воеводы ему отказали, такъ какъ его жалованье за 1647—48 годы послано на Колыму съ боярскимъ сыномъ Васильемъ *Власьевымъ*, съ которымъ челобитчикъ развѣхался. Послѣдній проситъ выдать въ Якутскѣ жалованье „на всѣ на прошлые годы“.

Воеводы Д. А. Францбековъ и О. Степановъ „приказали“: выдать Ортемьеву „полные оклады“ его жалованья (4¹/₄ рубля въ годъ) за 1643—46 годы, а относительно окладовъ 1647—48 годовъ, переданныхъ Власьеву, предоставляется челобитчику „искати судомъ“ на Власьева ²⁾.

II.

Иванъ Ребровъ (1631—1647 гг.) ³⁾.

Свѣдѣнія о многочисленныхъ плаваніяхъ якутскаго казака Ивана Иванова Реброва по рѣкамъ Вилюю, Ленѣ, Алдану, Янѣ, Индигиркѣ и другимъ, также и по Ледовитому океану, находимъ въ его челобитной 1649 года ⁴⁾. Реброву принадлежитъ честь открытія рѣкъ Яны и Индигирки (Собачьей).

Разсказъ о своей службѣ Ребровъ начинаетъ съ 1631 года, когда онъ посланъ былъ изъ Тобольска въ Мангазею, а оттуда „внизъ по *Вилюю* и на великую рѣку *Лену*, въ новыя мѣста, съ Тазовскимъ

¹⁾ Ibid., л. 37.

²⁾ Ibid., лл. 37—38.

³⁾ *Врангель*, 18.

⁴⁾ Столбецъ № 290, лл. 95—98.

служилымъ человѣкомъ съ Степаномъ Корытовымъ съ товарищи“, для покоренія неясачныхъ инородцевъ.

„И выплыли мы—говорить Ребровъ—по Вилюю рѣкѣ на великую рѣку Лену, и съ Лены шли по *Алдану* и по сторонной по *Омитъ* рѣкѣ, и на *Мтъ* (sic) рѣкѣ“ взяли у *якутовъ* аманата и собрали ясакъ, который Корытовъ отвезъ въ Тазовской городъ.

Перезимовавъ въ Жиганахъ, Ребровъ и Енисейскій служилый человѣкъ *Илья Перфирьевъ* съ товарищи и съ „охочими промышленными людьми“ подали челобитную Енисейскому приказному человѣку въ Жиганахъ *Андрею Иванову*, въ 1633 году, о разрѣшеніи имъ идти „въ новое мѣсто, *моремъ*, на *Яну* (Яну) рѣку“. Разрѣшеніе было дано. Въ этотъ походъ Ребровъ „подымался, безъ государева денежнаго и хлѣбнаго жалованья, собою (т. е. своими средствами), и промышленныхъ людей ссужалъ, и тотъ подъемъ мнѣ сталъ болѣе 100 рублевъ“.

„И пришедъ на *Яну* рѣку“, взяли въ аманаты *юкагирскихъ* „князей“ *Яндарака*, *Омолоя*, *Тузика* и собрали ясаку 20 сороковъ соболей и черную лисицу. *Илья Перфирьевъ* повезъ ясакъ въ Енисейскъ, а Ребровъ съ остальными служилыми и промышленными людьми, съ разрѣшенія Перфирьева, отправились „по морю на новую стороннюю на *Индигирскую* рѣку, а *Собачья* тожъ“, для „пріиску новыхъ земель“.

На Индигиркѣ также аманатовъ „поймали“ и ясакъ собрали. „И былъ я на той Индигирской новой рѣкѣ, а *Собачья* тожъ, 3 годы, а на *Янгѣ* 2 годы, а по морю ходилъ два юды“ (л. 96). На *Янгѣ* Ребровъ поставилъ зимовье, а на Индигиркѣ 2 острога. Ребровъ говорить, что „лучше тѣхъ *Янскихъ* соболей—на великой рѣкѣ *Ленѣ* и въ стороннихъ рѣкахъ такихъ добрыхъ соболей нѣтъ“.

Не получая государева жалованья съ 1632 года по 1641 годъ, Ребровъ во всѣхъ этихъ морскихъ и рѣчныхъ плаваніяхъ „нужу и бѣдность, и голодъ, и холодъ терпѣлъ, и душу свою сквернилъ — ѣлъ всякое *скверно*, и сосновую кору, и траву... А поднимаючися на тѣ службы, суды и судовые снасти и парусы, и для ясачного сбора товары—одекуй и олово, иноземцомъ въ подарки давать, покупалъ и въ долгъ въ кабалы займовать, въ большую цѣну, и одолажалъ великими кабалными некупными долгами“...

Въ 1641 году Ребровъ съ собраннымъ ясакомъ отправился въ *Якутскъ*, гдѣ воевода П. П. Головинъ взялъ его „въ *Ленскую* службу“, причемъ выдалъ жалованье только за 1642 годъ, а за преды-

лучшіе годы ничего не далъ, такъ что Ребровъ и доселѣ „не окупился“ въ тѣхъ „подъемныхъ деньгахъ“, кои занималъ для своихъ плаваній.

Въ 1642 году онъ былъ посланъ „на Оленекъ рѣку, моремъ“, и на этой рѣкѣ служилъ съ 1643 года по 1647 годъ, поставилъ „зимовье съ нагородней“ на „устѣ Пиликты рѣки“, взялъ 6 аманатовъ, собралъ ясакъ и проч.

Въ концѣ своей челобитной Ребровъ замѣчаетъ: „а *прежъ меня* на тѣхъ тяжелыхъ службахъ, на *Янгъ* и на *Собачьей*, не бывалъ никто—протѣдалъ я тѣ дальнія службы“ (л. 97). На „аманацкихъ ямкахъ“, т. е. въ бояхъ съ инородцами Ребровъ 5 разъ былъ раненъ: „рана стрѣльная въ голову“, „кость спинная перерублена“ и т. д.

Челобитчикъ проситъ: за его „смертныя службы, и радѣнье, и за раны, и за кровь“, и „за острожную и зимовейную поставку“, назначить его „казачьимъ атаманомъ“ въ Ленскомъ (Якутскомъ) острогѣ („а мнѣ государева служба за обычей — радѣ служить до смерти живота своего...“) и послать „приказнымъ человекомъ“ въ зимовье на рѣкѣ *Кулымъ*, для ясачнаго сбора и „для росправы всякихъ людей“, на 3 года (л. 98).

Приговоръ Сибирскаго приказа: „дать грамота — велѣтъ ему на Ленѣ быть въ Якутскомъ острогѣ въ пятидесятникахъ, на умершаго мѣсто, который нынѣ зарѣзанъ въ Туринскомъ, и въ его окладѣ, и отпустить его въ то зимовье, безъ перемѣны на 4 года, гдѣ бьетъ челомъ“ (л. 95 об.). Такимъ образомъ, Ребровъ получилъ низшую должность, а не ту, которую просилъ, но за то его „приказъ“ въ Кулымскомъ зимовьѣ увеличенъ на годъ противъ челобитья.

Грамота якутскимъ воеводамъ отъ 15 февраля 1649 года ¹⁾ разъясняетъ, что Ребровъ назначенъ на мѣсто убитаго въ Туринскѣ якутскаго казачьяго пятидесятника Ивана Чермыка. Якутскій дьякъ Осипъ Степановъ долженъ дать Реброву „наказъ“ относительно исполненія обязанностей „приказнаго человека“ въ Кулымскомъ зимовьѣ. Жалованье пятидесятника выдавать съ 1649 года и проч.

III.

Василій Бугоръ (1635—1647 гг.) ²⁾.

Первое извѣстіе о Енисейскомъ казачьемъ десятникѣ Василіѣ Еромолаевѣ Бугрѣ находимъ въ челобитной Енисейскихъ служилыхъ людей

¹⁾ Столбецъ № 290, лл. 99—101.

²⁾ Доп. Ак. Ист., IV. сс. 4, 24, 25 и др.

1637 года ¹⁾, просившихъ о выдачѣ жалованья за походъ въ Братскую землю, въ 1635—36 году. Въ походѣ участвовалъ и Бугоръ, который вмѣстѣ съ товарищами ставилъ новый Братскій острожекъ на устьѣ рѣки *Оки*, ходилъ вверхъ по рѣкѣ *Атартъ* до устья рѣки *Уды*, былъ въ „великихъ дракахъ“ съ „измѣнниками — Братскими князцами“ и проч.

Эта челобитная, вмѣстѣ съ отписками Енисейскаго воеводы Прокофья Соковнина, доставлена въ Москву Бугромъ, въ февраль 1637 года ²⁾.

По обычаю, Бугоръ и его спутникъ казакъ *Оома Кириловъ* по прїѣздѣ въ Москву подали челобитную о выдачѣ имъ за прїѣздъ „царскаго жалованья — корма и выхода“ ³⁾. „Выходное жалованье“ дано каждому въ размѣрѣ 4 руб. и по „доброму сукну“, а „поденной кормъ“ по 6 денегъ на день человѣку ⁴⁾.

Въ 1646 году Бугоръ участвовалъ въ новомъ походѣ въ Братскую землю, но уже въ отрядѣ Ленскихъ (Якутскихъ) ратныхъ людей, бывшемъ подъ начальствомъ боярскаго сына Алексѣя Бедарева, пятидесятника Курбата Иванова и его, Бугра, какъ старшаго казачьяго десятника. Объ этомъ походѣ говоритъ челобитная участниковъ его о выдачѣ жалованья за походъ ⁵⁾. Въ приложенномъ къ челобитной „послужномъ спискѣ“ похода, составленномъ отъ имени Бедарева и Бугра, о службѣ послѣднего замѣчено: „десятникъ Василей Бугоръ государю служилъ, бился явственно, мужика (братскаго) убилъ“ (л. 156). Бугоръ былъ безграмотенъ: на челобитной за него расписался другой служилый человѣкъ (л. 146 об.).

Послѣ этого похода Василій Бугоръ принялъ участіе въ заговорѣ группы якутскихъ служилыхъ людей, бросившихъ государеву службу и бѣжавшихъ по рѣкѣ *Ленѣ на море*, въ качествѣ „гулящихъ людей“.

Первое указаніе на этотъ побѣгъ находимъ въ одной „выписи“ Якутской съѣзжей избы, 1649 года ⁶⁾. Въ этомъ году Енисейскій воевода *Федоръ Полибинъ* требовалъ обратной высылки Енисейскихъ казаковъ *Василья Бугра* съ товарищи, всего 20 человѣкъ, которые

¹⁾ Столбецъ № 183, лл. 3—4.

²⁾ Столбецъ № 90, л. 247.

³⁾ Столбецъ № 172, л. 87.

⁴⁾ Ibid., лл. 89, 92, 93.

⁵⁾ Столбецъ № 241, л. 144 и слѣд.

⁶⁾ Столбецъ № 85, л. 10.

были взяты въ Якутскъ воеводою Васильемъ Пушкинымъ для какого-то „смыснаго дѣла“ и съ тѣхъ поръ числялись на Якутской службѣ. „На перемѣну“ ихъ посланы изъ Енисейска въ Якутскъ казаки Маркъ Котсковъ съ товарищи, также 20 человѣкъ. Отсылая обратно 18 Енисейскихъ казаковъ прежней присылки, Якутскій воевода сообщилъ, что еще въ 1647 году двое остальныхъ—„десятникъ Василей Бугоръ да рядовой Ивашко Яковлевъ *сбѣжали на море*“ изъ Якутскаго острога...

Подробности объ этомъ побѣгѣ встрѣчаемъ въ отпискѣ воеводы В. Пушкина, 1648 года ¹⁾. Онъ писалъ, что 1 іюля 1647 года побѣжали изъ Якутска казачьи пятидесятники Иванъ Реткинъ и Шеламко Ивановъ, десятники Василій Бугоръ и Симонъ Головачовъ, да рядовыхъ 19 казаковъ—Ерофѣй Киселевъ, Иванъ Пуляевъ ²⁾, Павликъ Кокоулинъ ³⁾ и др. Они бѣжали „своровавъ, *не хотя* твоей государственной службы служить, и покиня городъ ночью порою, отнявъ у торговаго человѣка у Василя Щукина кочъ, и пограбля у промышленныхъ людей хлѣбные запасы и малые суды—лодки“.

Кромѣ 23 служилыхъ людей, въ побѣгѣ участвовали „многіе промышленные люди“. Казаки забрали „государево ружье“ и полученное ими денежное, хлѣбное и соляное жалованье на 1647 годъ. Нѣкоторымъ же было выдано впередъ жалованье на 1648 и 1649 годы.

Изъ Якутска Реткинъ, Ивановъ и Бугоръ съ товарищи поплыли на отнятомъ кочѣ и лодкахъ „на пизъ Леною рѣкою“ и „побѣжали *на море*“, грабя по пути служилыхъ, промышленныхъ и особенно ясачныхъ людей. Такъ, встрѣтивъ „государевы дощаники“, на которыхъ возвращались служилые люди съ рѣки Алдана, бѣглецы отобрали „парусы и снасти“.

Въ ясачныхъ улусахъ они грабили „животы“ ясачныхъ людей, отнимали женъ и дочерей (хотя нѣкоторыхъ отпустили за большіе „выкупы“, но другихъ оставили у себя, взявши и за нихъ выкупы), брали коровъ, быковъ и проч., „сѣти *пуцальницы*“ для ловли рыбы, „собакъ, чѣмъ соболи промышляютъ“, такъ что у инородцевъ установился соболиный промыселъ и они перестали вносить ясакъ.

Встрѣтивъ на Ленѣ около Жиганъ кочъ казанскихъ торговыхъ

¹⁾ Столбецъ № 364 (не пагинированъ).

²⁾ „Дежневъ“, 16, 46.

³⁾ Ibid., 16.

людей Матвѣя Акинфіева и Тихона Колупаева, на которомъ плыли ихъ прикащикъ и 11 „покручениковъ“, бѣглецы взяли кочъ, со всѣми „товаренками“ и „животами“ хозяевъ, прикащика и покручениковъ, всего болѣе 1.200 рублей, при чемъ кочъ оцѣненъ около 400 рублей.

Любопытно, что Акинфіевъ и Колупаевъ въ своей челобитной на этотъ грабегъ объясняютъ побѣгъ якутскихъ казаковъ, очевидно со словъ ихъ, единственно тѣмъ, что они не получали отъ воеводъ заслуженнаго жалованья... Интересно сопоставить это показаніе съ увѣреніемъ воеводъ (см. выше), будто нѣкоторымъ бѣглецамъ было выдано жалованье даже впередъ на 2 года.

Такимъ образомъ, Реткинъ и Бугоръ съ товарищи вышли изъ Ленскаго устья въ море на 2 кочахъ, хорошо снаряженныхъ, съ массою всякихъ припасовъ и товаровъ, необходимыхъ для сношеній съ инородцами. Направились они по океану, вѣроятно, на востокъ, куда обычно отправлялись всѣ восточно-сибирскіе мореходы. Можетъ быть, дальнѣйшее изученіе документовъ Сибирскаго приказа раскроетъ судьбу этой экспедиціи, столь своеобразно начатой и, благодаря тому, отлично обставленной.

На отпискѣ якутскаго воеводы В. Пушкина объ этомъ побѣгѣ, читаемъ слѣдующій, удивительно мягкій и осторожный приговоръ Сибирскаго приказа: „отписать въ Якутской острогъ—будетъ тѣ казаки впередъ объявятся, и ихъ про то роспросить, и про грабегъ всякими сыски сыскать, а по сыску, взятое *безъ прибаавки* доправка на нихъ, отдать истцомъ“.

Итакъ, самъ приказъ взглянулъ на все дѣло съ одной лишь точки зрѣнія, какъ на обычный случай ограбленія казаками частныхъ лицъ (кромя казанскихъ торговыхъ людей, челобитныя на бѣглецовъ были поданы и ясачными людьми). Но самому факту побѣга со службы отводится второстепенное значеніе, разъ о немъ вѣрно только „распросить“ бѣглецовъ, въ случаѣ ихъ возвращенія, не прибѣгая даже къ „сыску“... Въ такомъ взглядѣ приказа сказалась обычная въ XVII вѣкѣ, подтверждаемая многочисленными подобными фактами—боязнь Москвы раздражать грозными репрессаліями служилыхъ людей далекихъ окраинъ. Для послѣднихъ, не разъ и покушавшихся, и дѣйствительно бросавшихъ государеву службу ради вольной жизни вдали отъ воеводскаго режима, не были страшны бумажные громы Москвы, а фактическихъ не было въ ея распоряженіи...

IV.

Елисей Буза (1637—1644 гг.) ¹⁾.

Елисей Юрьевъ Буза былъ енисейскій казакъ, командированный затѣмъ, въ числѣ другихъ енисейцевъ, на якутскую службу. Въ 1640 г., когда воевода новооткрытаго Ленскаго воеводства П. П. Головинъ отправлялся туда и временно проживалъ въ Енисейскѣ, была составлена „ропись дворамъ“ Енисейскаго острога ²⁾, взятымъ Головинымъ подъ свои временные воеводскій дворъ, съѣзжую избу и проч., въ томъ числѣ подъ „съѣзжій дворъ“ взять „дворъ Елески Юрева Бузы“.

Но еще изъ Енисейска Буза совершилъ свои плаванія по морю, по рѣкѣ Янѣ и другимъ, въ 1637—1641 гг. Подробности этихъ плаваній и походовъ находимъ въ отрывкѣ неизвестнаго документа, составленнаго послѣ 1641 г. ³⁾, гдѣ рассказываетъ о нихъ какой-то промышленный (или служилый?) человекъ Друганко (прозвища нѣтъ), спутникъ и сотрудникъ Бузы.

Друганко говоритъ, что въ 1637 г., собираясь въ походъ, Буза взялъ и его: „Елеска-де Буза ему Друганку въ государевой службѣ съ собою вмѣстѣ быть велѣлъ“... Для этой „государевой Янской службы“ Друганко купилъ въ Якутскѣ слѣдующіе припасы: 22 пуда ржаной муки—по 5 руб. пудъ, 100 сажень „неводныхъ сѣтей“—по полуполтинѣ сажень, 3 „мота прядена“—по рублю мотъ, пол-пуда „варчихъ котловъ“ за 10 рублей, „харчу“ масла и жира на 5 руб. Всего этотъ „подъемъ“ обошелся Друганкѣ въ 153 рубля.

Въ томъ же 1637 г. Буза и Друганко съ товарищи пошли изъ Якутска „впизъ Леною рѣкою, и вышедъ-де на море, и шли до моря до усть Омоловы рѣки (т. е. до моря, находящагося у устья этой рѣки), и тутъ-де ихъ и заморозъ взялъ, не дошедъ Янскаго устья“.

Сдѣлавши нартъ, они тронулись дальше, а „свой заводишко—

¹⁾ См. 1) Филера „Сибирская исторія“ (С.-Пб. 1774), 372—374; 2) Врангеля, 4, 5; 3) Доп. Ак. Ист., №№ 86, 88, 98 и др.; 4) мои замѣтки „Герардъ Миллеръ и его отношенія къ первоисточникамъ“ („Библиографъ“, 1889, № 1) и „Къ вопросу объ исторіографѣ Миллерѣ“ (ibid., № 8—9); 5) „Семенъ Дежневъ“, 7; 6) „Обовр. Сиб. прик.“, I, 43; III, 268.—См. еще о Бузѣ въ VI очеркѣ, о Брагинѣ.

²⁾ Якутскаго областнаго правленія 1 вязка столбецъ № 34 (не пагинированъ).

³⁾ Ibid., 2-ой вязка столбецъ № 81 (не пагинированъ).

сѣти и товаренко“, принуждены были здѣсь „пометать“ въ виду трудностей „партного пути“. Шли они „черезъ *Камень* (т. е. горы) до *Ииской* вершины (т. е. верховьевъ рѣки *Ины*) 8 недѣль, и пришли на верхъ *Янги* въ *якуты* (т. е. въ якутскія зимовья) въ *Катылы*, къ князю къ *Тузукъ*, для государева ясачного сбора“.

„И тотъ-де *Тузука* государева указу не послушалъ и ясаку съ себя не далъ. И они-де съ *Елескою* съ товарищи съ тѣми якуты бились по многіе времена, и якуты-де ихъ въ осаду осадили, и сидѣли-де они отъ нихъ въ осадѣ 6 недѣль. И тѣ якуты на выласкахъ убили у нихъ служилыхъ людей 2 человекъ“. Но въ концѣ концовъ *Буза* и *Друганко* съ товарищи „тѣхъ якутовъ войною смирили, и ихъ подъ государеву руку привели, и ясаку съ нихъ взяли вновь на 146 годъ 5 сороковъ 27 соболей“.

Здѣсь *Друганко* „промышлялъ своимъ промысломъ и упромышлялъ 25 соболей“. Перезимовавъ тутъ, къ веснѣ они построили суда и „выплывъ на море на усть *Чендона* рѣки“, захватили здѣсь „3 *юкаирскихъ* князей въ аманаты, и съ тѣми аманаты жили 3 года“.

Тутъ они собрали ясакъ за 1637—1641 гг., по 12 сороковъ соболей „съ прибавкою на годъ, а съ чѣмъ съ прибавкою—того-де онъ *Друганко* не упомянуть, потому что онъ грамотѣ не умѣетъ, и тому-де у *Елески* (*Бузы*) были ясачные сборные книги“. „Своего промыслу“ *Друганко* собралъ за 3 года 70 соболей.

Въ 1641 г. *Буза* съ ясачною казною отправился въ *Якутскъ*, а *Друганко* подаль ему челобитную о томъ, чтобы „ему остаться на *Янгѣ* рѣкѣ“ для соболинаго промысла...—На этомъ документѣ (по-видимому—„распросилъ рѣчи“ *Друганки* въ *Якутскѣ*) обрывается.

Въ 1642 г. *Буза* отправленъ въ Москву съ *Якутскою* соболиною казною, о чемъ говорить „наказная память“ отъ 28-го августа этого года ¹⁾, данная воеводою П. П. Головинымъ ²⁾ казачьему десятнику *Бузѣ* и цѣловальнику *Семену Шешину* съ товарищи, относительно охраны мягкой рухляди въ пути, особенно по случаю „измѣны *Якутской* земли“ и проч. Къ памяти приложена именная роспись служилыхъ людей, посланныхъ съ *Бузою* (л. 159).

Въ Москву *Буза* прибылъ только въ 1644 г., какъ говорить дѣло по челобитной его съ товарищи (20 казаковъ и цѣловальниковъ) о дачѣ „выхода и корма“ за ихъ „сибирской прїѣздъ“ и за „дальнія

¹⁾ Сибирскаго приказа столбецъ № 130, лл. 153—158.

²⁾ На памяти хорошо сохранилась печать Головина.

службы" ¹⁾. Ленскимъ казакамъ (въ томъ числѣ и Бузѣ) дано по 5 рублей, по „сукну доброму“ и по 6 денегъ поденнаго корма „съ прїѣзду и до отпуска (изъ Москвы), и въ дорогу“, а цѣловальникамъ по 3 рубля, по сукну и кормовыхъ по 5 денегъ на день.

Но Буза продолжалъ числиться по Енисейску, какъ говорить отписка Енисейскаго воеводы Осипа Аничкова, 1643 г. ²⁾, объ отправкѣ въ Москву челобитной Бузы ³⁾ о выдачѣ денежнаго и хлѣбнаго жалованья за 1638—1643 гг., которое онъ не получалъ во время службы „на великой рѣкѣ Ленѣ“. Отписка воеводы подтверждаетъ это обстоятельство, но прибавляетъ, что „по дозору“ Томскаго боярскаго сына Петра Сабанскаго — енисейскому казачьему десятнику Е. Ю. Бузѣ велѣно „служити твоя государева служба съ пашни, безъ хлѣбнаго жалованья“. Причиною на челобитной пѣтъ (помѣта—„въ столпѣ“).

V.

Иванъ Ерастовъ (1638—1662 гг.) ⁴⁾.

Красноярскій казанъ Иванъ Ерастовъ (Ярастовъ), перешедшій затѣмъ на якутскую службу и здѣсь достигшій званія боярскаго сына, оставилъ очень обстоятельный и любопытный рассказъ о своихъ многолѣтнихъ походахъ и плаваніяхъ, подъ командою другихъ мореходовъ и самостоятельно, по рр. Янгѣ, Индигиркѣ, Алазеѣ и по Ледовитому океану, о борьбѣ съ якутами, юкагирами, чукчами и проч., въ 1638—1646 гг. Этотъ рассказъ находимъ въ обширной челобитной „Ленскихъ служилыхъ людей“—Красноярскаго казака Ивана Родионова Ерастова и Енисейскихъ казаковъ Ѳедора Алексѣева Чюкичева, Терентья Алексѣева и Афанасья Стефанова, 1646 г. ⁵⁾, присланной въ Москву при отпискѣ якутскихъ воеводъ ⁶⁾.

Въ 1638 г., Ерастовъ съ товарищи, находясь на службѣ въ Старомъ Ленскомъ острогѣ, били челомъ приказному человѣку енисейскому атаману Ивану Галкину объ отпускѣ „въ новую землю на Яну рѣку и по инымъ стороннымъ рѣчкамъ“, въ собиравшемся идти

¹⁾ Столбецъ № 129, лл. 151—151.

²⁾ Столбецъ № 132, л. 1.

³⁾ Ibid., л. 2.

⁴⁾ „Дежневъ“, 46.

⁵⁾ Столбецъ № 274, лл. 166—180.

⁶⁾ Ibid., л. 165.

туда отрядъ Посника *Иванова* съ товарищи (30 человекъ). Галкинъ отпустилъ ихъ.

Въ томъ же 1638 г. они добрались сухимъ путемъ до р. Яны, гдѣ часть *якутовъ* добровольно стала платить ясакъ, а остальные „учали съ нами драться“, были разбиты и разбѣжались. „Перваго ясака“ собрали здѣсь на 1639 г. 5 сороковъ соболей.

Въ 1639 г., по просьбѣ якутскаго князца Селбука русскіе приняли участіе въ борьбѣ его съ *юкагирами*, которые „якутскіе звѣриные гонбища и лучные ловли и соболиные промыслы отняли“. Юкагиры были разбиты.

Изъ Средняго Янскаго зимовья казаки плавали внизъ по р. Янгѣ, для защиты тамошнихъ ясачныхъ якутовъ отъ юкагировъ.

Въ томъ же году русскіе перешли „съ Янги на *Индегерскую* рѣку, черезъ *Камень*, конями“, гдѣ также „дрались“ съ юкагирами. Последніе упрекали русскихъ: „что-де вы припедъ на нашу землю, да лучіе промыслы рыбные отняли, и у насъ-де вы о томъ не доложились!“... Въ отвѣтъ—русскіе съ юкагирами „дрались цѣлый день“.

Въ сентябрѣ 1639 г. поставили „зимовье съ косымъ острожкомъ“, на р. Индигирѣ, въ „2 днищахъ“ выше р. *Уяндины*. Отсюда ходили на стругахъ вверхъ по Индигирѣ, требуя ясака отъ тамошнихъ юкагировъ, но тѣ „отказали невѣжливо, и учали съ нами драться“. Все же и здѣсь удалось собрать „первый ясакъ“ на 1640 годъ, въ количествѣ 5 сороковъ соболей.

Собранный ясакъ повезли въ Якутскъ Посникъ *Ивановъ* и *Афанасій Стефановъ* (одинъ изъ челобитчиковъ), а на Индигирѣ осталось всего 16 русскихъ (остальные были убиты на бояхъ, умерли отъ ранъ и проч.), подъ командою *Кирила Нифантьева*. На 1641 годъ вновь собрали ясакъ и „привели къ шертѣ“ нѣкоторыхъ юкагирскихъ князцовъ.

Въ 1641 г. изъ Ленскаго острога присланъ *Дмитрій Михайловъ Ерило* съ товарищи „на перемѣну“ отряда *К. Нифантьева*. Последний сдалъ *Ерилѣ* острожекъ и аманатовъ, а соболиную казну повезъ въ Якутскъ. Съ нимъ отправились и всѣ смѣненные казаки, кромѣ трехъ (челобитчиковъ)—*Ерастова*, *Чюкичева* и *Алексѣева*, которыхъ *Нифантьевъ* „оставилъ въ Индегерскомъ зимовьѣ сильно (т. е. противъ ихъ воли), потому что-де вамъ здѣшняя Индегерская служба за обычей“...

Въ томъ же году, *Ерастовъ* съ товарищи (15 человекъ), подъ командою *Ерилы*, отправились, по указаніямъ Индигирскихъ юкаги-

ровъ, внизъ по этой рѣкѣ, гдѣ встрѣтили еще не объясаченныхъ юкагировъ, „не дошедъ до моря за полднища“, по берегамъ лѣвой и правой „протокамъ“ рѣки. На требованія ясака юкагиры „отказали невѣжливо“, произошелъ бой и русскіе разбили ихъ; „розгромили у нихъ 15 юртъ“ и проч. Тогда юкагиры подчинились и стали вносить ясакъ.

Ерило поставилъ здѣсь „зимовье съ косымъ острожкомъ“. Ерастовъ такъ опредѣляетъ мѣсто постройки этого острожка: „изъ тундры вышедъ въ лѣсномъ мѣстѣ, на *Алазѣйскомъ* переходѣ, противъ *Камешного носу*, на зарѣчной сторонѣ“ (л. 173). Оставивъ здѣсь казака *Онисима Иванова* „съ невеликими людьми“, остальные, въ томъ числѣ и Ерастовъ, вернулись зимовать въ Верхнее Индигирское зимовье, гдѣ собрали на 1642 г. ясака 9 сороковъ 20 соболей.

Весною 1642 г., оставивъ въ этомъ зимовьѣ, съ соболиною казною и аманатами, казака Лаврентья Григорьева *Кайгородца* съ товарищи, Ерило съ 15 казаками (Ерастовъ и др.) „сплыли внизъ“ по р. Индигиркѣ въ *Олюбенское* зимовье и тамъ спрашивали аманатовъ: „гдѣ вы вѣдаете-ли неясачныхъ или захребетныхъ юкагирей и иныхъ родовъ, которые прежь сего государева ясаку не плачивали и русскихъ людей не выдали?—И тѣ Олюбенскіе аманаты въ роспросѣ сказали, что-де есть отсюды недалеко, по Индегерской рѣкѣ выплывъ на море правою протокою, а моремъ бѣжать парусомъ отъ устья до *Алазѣйской* рѣки небольшое днище, а по той-де рѣкѣ живутъ и кочуютъ многіе Алазѣйскіе юкагирскіе люди“, которые ясака никому не давали и съ русскими не встрѣчались.

Взявши „вожа“ изъ ясачныхъ юкагировъ, Ерило и Ерастовъ съ товарищи пошли „на Алазѣйскую рѣку, въ кочахъ, моремъ“. На р. Алазѣ встрѣтили русскихъ „многіе Алазѣйскіе люди—князцы Невгоча и Мундига, а съ ними были съ тундры *чюхчи*—мужики съ своими роды и съ улусными людьми“.

Ерило сталъ призывать ихъ „подъ государеву высокую руку въ прямое холопство“ и требовать ясака. Но „юкагиры и чюхчи въ государевъ ясакъ отказали, и по обѣ стороны Алазѣйскіе рѣки обошли, и учили насъ они *алазны* съ обѣихъ сторонъ стрѣлять. И мы дралися съ ними съемнымъ боемъ цѣлой день до вечера“. 9 казаковъ было ранено, въ томъ числѣ Ерастовъ („въ лѣвую холку о поясищѣ“), Чюкичевъ и Алексѣевъ. У непріятеля же были убиты князецъ Невгоча и нѣсколько „мужиковъ“, да взять въ полонъ „доброй мужикъ“.

Мымика. Послѣ такого разгрома „алазѣи отъ насъ убѣгомъ ушли, избиты и изранены“.

Послѣ боя русскіе дошли „до лѣсныхъ мѣстъ“, гдѣ „поставили зимовье, на край тундры, съ косымъ острожкомъ“ (л. 175). Однажды подѣхалъ къ острожку „лучей Алазѣйской шаманъ именемъ Олюганей“ и сталъ говорить: „почто-де вы поставили острожекъ на моей землѣ и меня-де вы о томъ не докладывались, да выжѣ-де у насъ государева ясаку просите?—И мы, не терпя его невѣжливого отказа, киняся изъ острожку, схватили его Олюганея и посадили его въ аманаты“. Его люди стали стрѣлять и русскіе „билися съ ними многое время“. Нападеніе на острожекъ было отбито, и алазѣи смирились и стали возить ясакъ, котораго собрали на 1643 годъ—4 сорока 20 соболей и 20 „соболиныхъ пластинъ“.

Весною 1643 г. Ерило отправилъ въ Ленской острогъ ясачную казну, съ Чюкичевымъ и Алексѣевымъ, „въ кочѣ, моремъ“ (л. 176). Ерастова же и Енисейскаго казака Поспѣлку Кузмина Ерило послалъ еще „зимною порою, черезъ гору, на оленяхъ“, обратно на р. *Индирикку*, чтобы „досмотрѣть Индегерской службы“ и послать „отписку“ въ Ленской острогъ.

Въ *Олюбенскомъ* зимовьѣ Ерастовъ нашелъ все благополучно, только ясака собрать здѣсь казаки не могли, за своимъ малолюдствомъ (2 человекъ). Здѣсь же Ерастовъ узналъ о нападеніи юкагировъ на *Верхнее Индигирское* зимовье, гдѣ оставались Лаврентій Кайгородецъ съ товарищи. Юкагиры убили у русскихъ 20 коней, карaulьнаго у зимовья (промышленнаго человекъ М. Хаилина) и „въ зимовье вломились ночью порою“. Русскіе едва отбились и выгнали изъ зимовья юкагировъ.

Проживъ нѣсколько въ Олюбенскомъ зимовьѣ и взявши здѣсь ясакъ, Ерастовъ собралъ мирныхъ юкагировъ, захватилъ съ собою 2 Олюбенскихъ казаковъ и поплылъ „въ стругу“ въ Верхнее Индигирское зимовье, куда прибылъ благополучно.

Здѣсь онъ засталъ Чюкичева и Алексѣева, отправленныхъ Ерилою съ Алазѣи *моремъ*, съ ясачною казною. Алексѣевъ остался съ Ерастовымъ въ Индигирскомъ острожкѣ, а Чюкичевъ повезъ казну въ Ленской острогъ.

Въ 1644 г. Ерастовъ ходилъ вверхъ по Индигиркѣ на непослушныхъ юкагировъ, которые раньше какъ-то разгромили отрядъ Кирилы Нифантьева съ товарищи (вѣроятно, при возвращеніи его съ Индигирки

въ Ленской острогъ, въ 1641 г.—см. выше). Ерастовъ разбилъ этихъ юкагировъ.

Въ томъ же 1644 г. Ерастовъ, Алексѣевъ и Кайгородецъ вывели въ Ленской острогъ соболиную казну съ Индигирки. До Ленскаго устья они шли „въ котъ, моремъ“, затѣмъ р. Леною (л. 179).

На всѣхъ этихъ дальнихъ службахъ—на морѣ, на рр. Янѣ, Индигиркѣ, Алазѣ и др., челобитчики, какъ и ихъ товарищи—„холодъ и голодъ терпѣли, нужу и бѣдность пріимали, и всякую скверну ѣли, и души свои сквернили“... А „поднимались“ они на ту службу „собою“: всякій походный „заводъ“ покупали „на свои деньги, дорогою цѣною“. Каждому „подъемъ“ обошелся по 100 р. и больше. Всѣхъ своихъ коней они потеряли въ походахъ (л. 179).

Ерастовъ получалъ жалованья въ Красномъ Яру, гдѣ „много моей службы“, 7¼ рублей и хлѣба „противъ иныхъ окладовъ“. Но съ 1637 г. по 1646 г. онъ „не имывалъ“ ни денежнаго, ни хлѣбнаго жалованья, и только въ 1638 г., собираясь въ походъ, взялъ 1 рубль (л. 180).

Вслѣдствіе этого челобитчики „обнищали и задолжали великими долги, и стоимъ на правожѣ. А долгу на насъ рублей по 100 и больше“. Они просятъ: „пожалуй насъ за нашу службу, и за раны, и за аманатскіе имки, и за конное убойство, и за голодное терпѣніе, своимъ парскимъ денежнымъ и хлѣбнымъ заслуженнымъ жалованьемъ и послугою“ (л. 180), т.-е. еще и „послужнымъ жалованьемъ“, награднымъ за особую службу. Приговора на челобитной нѣтъ, а на воеводской отпискѣ, при которой первая прислана, стоитъ помѣта: „въ столпъ“ (л. 165 об.).

О другомъ морскомъ плаваніи Ерастова, вѣроятно въ 1645—1646 гг., и о его проектѣ новой экспедиціи говоритъ отписка якутскихъ воеводъ В. Пупкина съ товарищи, 1646 г. ¹⁾ Вили челомъ воеводамъ „новоприборные“ якутскіе казаки (которыхъ П. П. Головинъ поверсталъ въ службу безъ государева указа, на мѣсто старыхъ казаковъ, засаженныхъ Головинымъ въ тюрьму) Иванъ Ерастовъ съ товарищи (40 человекъ), „что-де они отвѣдали нынѣ новую землю: вышедъ изъ Ленскаго устья, итить моремъ въ правую сторону, подѣ востокъ, за Яну, и за Собачью, и за Алазѣйку, за Ковыму рѣку—новую Погычу рѣку. А въ то-е-де Погычу рѣку впади иные сторонныя рѣки, а по той Погычѣ и по инымъ стороннымъ рѣкамъ живутъ

¹⁾ Столбецъ 274, лл. 423—424.

многіе иноземцы разныхъ родовъ, неясачные люди, а ясaku никому нигдѣ не платятъ. И на передѣ-де сего и по се число на той рѣкѣ русскихъ людей никого не бывало. А соболь-де у нихъ самой доброй черной“.

Ерастовъ съ товарищи просили выдать имъ оклады ихъ денежнаго и хлѣбнаго жалованья на 2 года впередъ и отпустить ихъ на р. Погычу. Но воеводы „не посмѣли“ удовлетворить челобитье Ерастова безъ государева указа.

Было ли оно тогда удовлетворено — не знаю. Но значительно позже, изъ извѣстной ¹⁾ отписки якутскаго воеводы Ивана Большаго Голенищева-Кутузова, 1662 г. ²⁾, мы узнаемъ о возвращеніи въ этомъ году съ р. *Колымы* боярскаго сына Ивана Ерастова (Ярастова) и цѣловальника Степана Журливаго, о привозѣ ими „костяной казны“ и проч.

VI.

Прокофій Брагинъ (1637—1640 гг.).

Краткія свѣдѣнія о морскомъ плаваніи енисейскаго казака Прокофья Васильева Брагина находимъ въ его челобитной 1640 г. ³⁾, представляющей жалобу на извѣстнаго Елисея *Бузу* ⁴⁾ и Кореня Нифантьева ⁵⁾. О своемъ столкновеніи съ ними Брагинъ разсказываетъ такъ:

„Былъ я на службѣ на *Ленѣ* рѣкѣ, и съ Лены мы пошли въ иную дальнюю землю *за море*“... Кто это „мы“—онъ не объясняетъ. „И для ясачнаго сбора и толмачества купилъ я якутскую дѣвку именемъ Мандыгу, а далъ за тое дѣвку 100 рублей (?) денегъ... И я тебѣ государю служилъ и той дѣвки толмачествомъ тебѣ государю прибылъ чинилъ и съ иноземцевъ ясакъ взялъ“.

На обратномъ пути къ Ленскому устью, „тотъ Елисей (Буза) да Корень (Нифантьевъ) *встрѣтились* со мною *на морѣ*“ ⁶⁾ и взяли ко мнѣ на судно, и меня учили бить и увѣчить, и тое дѣвку купленную

¹⁾ „Дежневъ“, 46.

²⁾ Столбецъ № 534 (не пагинированъ).

³⁾ Столб. № 90, лл. 451—452.

⁴⁾ См. IV очеркъ.

⁵⁾ Одно ли это лицо съ Кирилломъ Нифантьевымъ (см. V очеркъ) — не знаю.

⁶⁾ Эта встрѣча могла произойти въ 1637 г. или въ 1638 г. (см. IV очеркъ).

мою Мандыгу отняли насильствомъ, а съ тою дѣвкой взяли платья и *скруты* (т.-е. украшенія) на ней на 20 рублей. И про то ихъ насильство, и про мой бой и увѣче вѣдомо казакамъ и промышленнымъ людямъ, кои съ нами были“.

Выйдя на Лену, Брагинъ заявилъ о насильствѣ Бузы и Нифантьева въ Ижиганскомъ зимовьѣ казачьему десятнику Ильѣ Ермолаеву, затѣмъ въ Ленскомъ острогѣ боярскому сыну Петру Венетову, а въ Енисейскѣ подаль о томъ челобитную воеводѣ Н. Л. Веревкину, который про то „обыскивалъ всякихъ чиновъ людьми“.

Брагинъ просить — дать государеву грамоту енисейскому воеводѣ о судѣ по его иску къ Бузѣ и Нифантьеву. Если послѣдніе не вернулись еще съ Лены въ Енисейскъ, просить дать о томъ же грамоту къ ленскому воеводѣ П. П. Головину. Челобитчикъ желаетъ или получить обратно свою дѣвку, или 100 р. за нее.

На основаніи приговора (л. 451 об.), „судимыя грамоты“ о датѣ „суда“ по иску Брагина посланы енисейскимъ (лл. 453 — 457) и ленскимъ (лл. 458—459) воеводамъ.

VII.

Иванъ Бѣляна (1639 — 1650 гг.).

Болѣе обстоятельныя данныя о трехъ морскихъ плаваніяхъ якутскаго казака Ивана Кузмина Бѣляны и о его плаваніяхъ по рр. Индигиркѣ, Алазеѣ и Колымѣ, даетъ челобитная его 1650 г. ¹⁾.

Бѣляна былъ сыномъ тобольскаго стрѣльца и послѣ его смерти поверстанъ въ отцовскій стрѣлочій окладъ. Въ 1639 г. онъ переведенъ въ якутскіе казаки, при первыхъ воеводахъ П. П. Головинѣ съ товарищи, въ числѣ „лутчихъ служилыхъ людей“ (250 человекъ) Тобольска.

Знакомство Бѣляны съ полярнымъ краемъ началось съ 1642 г., когда якутскій письменный голова Василій Поярковъ послалъ его изъ Якутска на р. *Индишрку*, въ отрядѣ Посника *Иванова* ²⁾. Такъ какъ „въ тѣ годы морскою ходу на ту рѣку не было“, то они отправились „коннымъ путемъ“, переваливъ „черезъ *Лиской* хребетъ на *Собачью*

¹⁾ Столбецъ № 360 (не пагинированъ).

²⁾ См. V очеркъ.

рѣку, а Индигирка тоже". Для этого похода Бѣляна купилъ 2-хъ коней за 50 рублей. Шли они изъ Якутска до Индигирки „10 недѣль“.

На Индигиркѣ Посникъ Ивановъ послалъ Бѣляну въ Олюбенское зимовье, „на перемѣну“ казака Кирилла *Нифантьева* ¹⁾.

Собравши здѣсь ясакъ, Бѣляна въ 1643 г. „ходилъ моремъ на Алазѣйку рѣку, на иноземцовъ на юкагирскихъ тунусовъ“ (sic), съ казакомъ Дмитріемъ *Зыряномъ* и 6 промышленными людьми. На бою съ юкагирами, не хотѣвшими платить ясака, двое русскихъ было убито и всѣ остальные переранены. Но Бѣлянѣ удалось захватить въ аманаты князца Манзитина, и юкагиры нѣсколько затихли.

Двигаясь вверхъ по Алазѣйкѣ 3 недѣли, Бѣляна съ товарищи (всего 6 человекъ) дошелъ „до лѣсу“, гдѣ поставилъ зимовье и острогъ. Въ октябрѣ 1643 г. юкагиры подходили подъ острогъ, съ цѣлью освободить князца Манзитина. Бѣляна вступилъ съ ними въ переговоры, „учалъ призывать“ ихъ въ русское подданство и захватилъ еще 2-хъ аманатовъ, въ томъ числѣ брата князца. Тогда юкагиры заплатили ясакъ и откочевали на р. Колыму. Весь 1644 годъ и часть слѣдующаго Бѣляна провелъ въ Алазѣйскомъ острожкѣ.

Весною 1645 г., построивши кочь на свои средства, онъ спустился внизъ по Алазѣ, „и вышли на море, и моремъ шли 2 недѣли, и пришедъ на *Ковымъ* рѣку, и по Ковымъ шли вверхъ 12 день“.

Встрѣтивши здѣсь юкагировъ, Бѣляна сталъ „призывать“ ихъ къ ясаку, но они „учали съ нами биться“. На этомъ бою Бѣляну ранили. Русскіе захватили 3-хъ аманатовъ, затѣмъ поставили здѣсь зимовье и острогъ. Ясакъ собрали какъ съ колымскихъ юкагировъ, такъ и съ найденныхъ здѣсь, ушедшихъ съ р. Алазѣи.

Весною 1646 г. подошли къ Колымскому острожку „многіе люди“ юкагирскіе и, ворвавшись въ острогъ, хотѣли отбить аманатовъ и разграбить соболиную и другую государеву казну. Но Бѣлянѣ съ товарищи удалось выбить ихъ изъ острога, при чемъ Бѣляна былъ снова раненъ, а двое русскихъ убито.

Тогда юкагиры осадили острогъ и держали его въ осадѣ 12 дней. Малочисленный отрядъ русскихъ совсѣмъ погибалъ — „помирали голодною смертію“. Но выручила неожиданно подошедшая партія русскихъ торговыхъ и промышленныхъ людей, довольно многочисленная. Юкагиры „отъ острогу прочь побѣжали“. Съ подошедшими русскими

¹⁾ Ibid.

Бѣляна ходилъ противъ „измѣнниковъ“ юкагировъ и на бою съ ними взялъ въ аманаты ихъ князца Аливу.

Въ 1647 г. кочевавшіе на Колымѣ Алазѣйскіе „юкагирскіе мужики“ не представили ясака, и ихъ аманаты били челомъ приказному человѣку Колымскаго острожка Второму *Гаврилову* ¹⁾ объ отпускѣ ихъ на родину, на р. Алазѣю. Гавриловъ поручилъ Бѣлянѣ доставить туда аманатовъ. Бѣляна купилъ кочъ и взялъ съ собою, „для опасенья“ отъ немирныхъ юкагировъ, 20 русскихъ промышленныхъ людей, снарядивши ихъ на свой счетъ, а „должныхъ (должниковъ) и кабалныхъ (изъ нихъ) скупаючи своимъ животомъ“.

Спустившись по Колымѣ, Бѣляна шелъ моремъ и поднялся въ р. Алазѣйку, въ свое старое зимовье. Здѣсь онъ привелъ „въ шерти“ непослушныхъ юкагировъ и „сполна“ собралъ съ нихъ ясакъ.

Бѣляна просить въ челобитной: за его „многую службишку, и за кровь, и за раны“, поверстать его въ боярскіе дѣти по Тобольску, или въ казачьи атаманы.

Приговора нѣтъ, а на якутской воеводской отпискѣ, при которой прислана въ Сибирскій приказъ челобитная Бѣляны, стоятъ помѣта: „въ столпъ“.

VIII.

Василій Власьевъ (1648—1651 гг.) ²⁾.

Очень краткое извѣстіе о морскомъ плаваніи якутскаго боярскаго сына Василя Власьева и таможеннаго цѣловальника Кирилы Коткина находимъ въ отпискѣ якутскихъ воеводъ Дмитрія Францбекова и Осипа Степанова, 1651 г. ³⁾.

Воеводы сообщаютъ, что въ 1650 г. прислано въ Якутскъ съ р. *Колымы*, отъ Власьева и Коткина, „6 костей рыба зубу“, изъ коихъ 5 костей, вѣсомъ въ 17 гривенокъ, они купили у „чюлоцкихъ мужиковъ“ (т.-е. у чукчей), а 6-ю кость, въ 7 гривенокъ, „нашли они, Василій и Кирилко, на морѣ“ (т.-е. нашли кость на морскомъ берегу во время морского плаванія), въ прошломъ во 156 (1648)-мъ году, какъ они шли на Ковыму рѣку“...

¹⁾ См. I очеркъ.

²⁾ См. 1) *Соловьевъ*, II, 1351; III, 584; 2) „Дежневъ“, 8; 3) „Обозр. Сиб. приказъ“, I, 251; III, 30.—См. I очеркъ.

³⁾ Столбецъ № 422 (не пагинированъ).

IX.

Юрій Селиверстовъ (1649—1660 гг.) ¹⁾.

О морскихъ плаваніяхъ Селиверстова въ 1647 — 1650 гг., подъ командою М. Стадухина, отзывавшагося о первомъ, какъ о знатокѣ „морского дѣла“, сказано выше ²⁾. О самостоятельной же его морской экспедиціи, съ 1651 г., восточнѣе р. Колымы, говорятъ слѣдующіе документы.

Отписка якутскихъ воеводъ Дмитрія Францбекова и Осипа Степанова, 1651 г. ³⁾, сообщаетъ, что въ іюлѣ этого года Юрій Селиверстовъ подалъ воеводамъ челобитную, въ которой пишетъ:

Въ 1649 г. „былъ онъ на морѣ, и есть-де въ то море выпали рѣки многіе—*Чюлча* рѣка, да *Ковыма* рѣка, а за Ковымою рѣкою есть 4 рѣки, а отъ тѣхъ рѣкъ есть рѣки *Нанандара* (т.-е. Анадырь), да *Чондонъ*. А люди по тѣмъ рѣкамъ живутъ многіе, а языки розныя—*чюлчи*, *хобынцы*, *коряки*, *няняуми* (т.-е. анаулы), и иные роды есть, и языки многіе. И тѣ иноземцы тебѣ государю напередъ сего не плачивали“ ясака.

Селиверстовъ беретъ „съ охочими промышленными людьми“ привести этихъ инородцевъ „подъ государеву руку“ и надѣется ежегодно получать съ нихъ по 50 пудовъ кости, „вмѣсто ясакаго соболинаго сбора“ въ первое время, а „впередъ“ расчитываетъ собирать тамъ и ясакъ, соболями и лисицами.

Якутскіе воеводы разрѣшили ему „прибрать“ въ Якутскѣ „охочихъ промышленныхъ людей“, каковыхъ онъ „прибралъ“ 14 человекъ. Такъ какъ въ государственной казнѣ хлѣбныхъ запасовъ „было мало“, то воевода Францбековъ далъ Селиверстову изъ „своихъ хлѣбныхъ запасовъ“ и „ссужалъ“ его своими деньгами „на подъемъ“ ⁴⁾. Кромѣ того, данъ ему „государевъ кочъ, со всею судовою снастью“.

Изъ одного „доклада“ Сибирскаго приказа, 1660 г. ⁵⁾, узнаемъ,

¹⁾ См. 1) *Вратель*, 15; 2) Доп. Ак. Ист. IV, № 5, с. 10; 3) „Дежневъ“, 13 — 15, 17; 4) „Обозр. Сиб. прик.“, III, 281.

²⁾ См. I очеркъ.

³⁾ Столбецъ № 422.

⁴⁾ Изъ слѣдующаго документа видно, что Францбековъ здѣсь солгалъ: весь подъемъ Селиверстова произведенъ на средства государственной казны.

⁵⁾ Столбецъ № 534 (не напечатанъ).

что морская экспедиція Селиверстова состоялась, но сопровождалась очень невыгодными для него въ матеріальномъ отношеніи послѣдствіями.

Въ ноябрѣ 1658 г. новые якутскіе воеводы М. Лодыженской и Ѳ. Тонково писали царю, что 20-го іюля 1651 г. „отпущень былъ изъ Якутского на государеву службу *на море*, за *Котыму* рѣку, на новые на *Анандыр* и на *Чондонъ* рѣки, охочей служилой (человѣкъ) Юшко Селиверстовъ, а съ нимъ Юшкою было охочихъ людей 15 человекъ, для прииску неясачныхъ иноземцевъ и для (сбора) кости рыбы зубу“.

Объ этомъ отпускѣ Селиверстова въ экспедицію писали въ свое время царю прежніе воеводы Францбековъ и Степановъ (см. выше), уверяя, будто Селиверстовъ отпущенъ „на Дмитревыхъ проторѣхъ Францбекова“...

Но Лодыженской и Тонково нашли въ якутской приказной извѣстѣ, что „подъ отпускомъ (т.-е. копіей) наказные памяти, какова память дана ему Юшкѣ за приписью дьяка Осипа Степанова, *написано*¹⁾: отпущено съ нимъ съ Юшкою съ товарищи *государевыхъ* судовъ и судовыхъ снастей, и (разныхъ припасовъ) иноземцомъ на государево жалованье, и хлѣбныхъ запасовъ на 3674 рубли на 26 алтынъ на 4 деньги“...

Воеводы „того Юшку въ тѣхъ деньгахъ велѣли сыскать“, т.-е. произвести розыскъ. Селиверстовъ призналъ этотъ долгъ государственной казнѣ и въ счетъ его „уплатилъ 50 пудовъ кости рыбы зубу, да сверхъ того онъ же Юшко объявилъ кости жъ“ 1 пудъ 12 гривенокъ, 28 соболей и 27 соболевыхъ пупковъ, да „взято“ у него „собинного егобору“ 17 пудовъ 8 гривенокъ кости. Всего по „якутской цѣнѣ“ получено съ него въ уплату долга государственной казнѣ 2281 рубль 18 алтынъ 4½ деньги. „А за тѣмъ (осталось) донять на немъ Юшкѣ 1393 р. 7 алтынъ полшеста денегъ“...

Н. Оглобинъ.

¹⁾ Очевидно, Степановъ сдѣлалъ эту приписку на памяти для того, чтобы оградить себя отъ соучастія въ обманѣ Францбекова.